

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований
Санкт-Петербургский институт истории
Санкт-Петербургский филиал архива РАН
Санкт-Петербургский научный центр
Объединенный научный совет
по общественным и гуманитарным наукам

Академик А. А. Шахматов:
жизнь, творчество, научное наследие

(к 150-летию со дня рождения)

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

УДК 80/81
ББК 81.2
А38

А38 Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. — 1040 с.

ISBN 978-5-4469-0774-8

В сборник статей, издаваемый к 150-летию со дня рождения академика Алексея Александровича Шахматова (1864–1920), вошли исследования, посвященные жизни и творчеству ученого, а также статьи по современным проблемам тех направлений истории и филологии, развитие которых во многом определили его труды: изучение русского летописания, история русского языка, русская грамматика, русская диалектология, лексикология и лексикография. Сборник предназначен для широкого круга специалистов в области гуманитарного знания.

УДК 80/81
ББК 81.2

Ответственные редакторы издания:

к.ф.н. *О. Н. Крылова*,
д.ф.н. *М. Н. Приемышева*.

Ответственные редакторы разделов:

д.и.н. *В. Г. Вовина*, д.ф.н. *М. Д. Воейкова*, к.ф.н. *С. Св. Волков*,
к.ф.н. *В. Н. Калиновская*, к.ф.н. *О. Н. Крылова*, д.ф.н. *И. А. Мальшева*,
д.ф.н. *С. А. Мызников*, д.и.н. *А. В. Сиренов*, д.ф.н. *М. Н. Приемышева*,
д.ф.н. *О. А. Черепанова*.

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербургским институтом истории РАН

ISBN 978-5-4469-0774-8

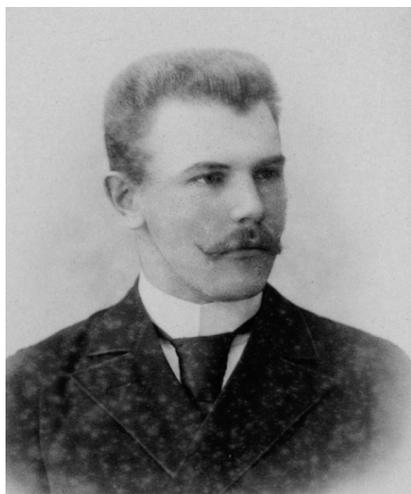

© Институт лингвистических исследований РАН, 2015
© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2015
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 2015

Груздева Елена Николаевна
Санкт-Петербургский филиал
Архива Российской академии наук
Россия, г. Санкт-Петербург

**Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 гг.
(из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым)¹**

Одним из активных корреспондентов А. А. Шахматова был сла-
вист-филолог Владимир Николаевич Перетц: в архиве А. А. Шахматова
хранится большой корпус его писем, охватывающий период с 1897 по

**Ил. 11. В. Н. Перетц. Фотопортрет.
23.09.1894 г.**

СПФ АРАН[®]. Ф. 125. Оп. 1. Д. 45. Л. 10

1920 год.² В первые годы переписка
носила деловой характер: молодой
исследователь обращался к Шахма-
тову в основном как к редактору
«Известий ОРЯС» по вопросам пуб-
ликации своих научных работ, но
постепенно его письма окрашива-
лись более теплыми, доверительны-
ми интонациями.³ Покинув в 1903 г.
Петербург, В. Н. Перетц регулярно
писал бывшим столичным знако-
мым. Он рассказывал о своей науч-
ной и преподавательской работе, о
коллегам и учениках, о текущих по-
литических и общественных собы-
тиях. Эти письма являются важным
источником для истории науки. На-
стоящая статья затронет лишь одну
тему — пребывание В. Н. Перетца в

Киеве, где ученый прожил 10 лет.

Владимир Николаевич Перетц окончил Петербургский универ-
ситет в 1893 г., был оставлен А. И. Соболевским при кафедре русского
языка и словесности и после успешной сдачи магистерских экзаменов

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00057.

² См.: СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140, 1141.

³ Уже в 1900 г. В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову: «Отношения наши чисто внешние и завязались совершенно случайно, но я в Вас вижу не только “полезного человека” (ради бога не думайте так!), но просто человека, глубоко мне симпатичного» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 7 об.].

в 1896 г. начал читать лекции в качестве приват-доцента. Успешно продвигалась и его научная работа: в 90-х гг. XIX в. он печатал работы по фольклору, по истории литературы XVII — начала XIX в., по истории театра. Главной же темой исследователя стала история русского стихосложения и начала современной поэзии в связи со старинными песнями. Этим вопросам были посвящены обе его диссертации «Историко-литературные исследования и материалы из истории русской песни» (1900) и «Историко-литературные исследования и материалы из истории развития русской поэзии XVIII в.» (1902), которые были удостоены Академией наук Макарьевской (1901) и половинной Ломоносовской премий (1903). В то же время В. Н. Перетц работал по истории апокрифической, точнее гадательной литературы, и за эту работу ему была присуждена Толстовская медаль (1903).

Однако, как писал один из биографов ученого, «несмотря на эти академические успехи, В. Н. не мог найти прочной службы в Петербурге. Этому препятствовало в значительной степени то обстоятельство, что он со студенческих лет находился под наблюдением Департамента полиции, участвовал в оппозиционной прессе (Северный Курьер), работал в запрещенном в 1898 г. Народном университете, организованном молодыми членами Петербургского педагогического общества, вследствие чего в течение петербургского периода работы не получал утверждения в штатной должности ни в одном учебном заведении, где ему удавалось получить занятия».¹

В 1903 г. В. Н. Перетц был избран по конкурсу профессором Киевского университета св. Владимира по кафедре русского языка и словесности. Он искал профессорства,² но понимал, что в столицах ему места нет,³ поэтому принял приглашение преподавать в Киеве, тем более что тема истории украинской литературы была ему хорошо знакома. Однако, еще не выехав из Петербурга, он уже сетовал: в Киеве «мне, избранному профессором, придется присноровляться к излюб-

¹ СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-П. Ед. хр. 39. Л. 35 об. — Эту биографию можно датировать концом 1933 — началом 1934 г., ее автор неизвестен, но машинопись содержит рукописную правку (рукой В. Н. Перетца?), и можно предположить, что текст написан кем-то из ближнего круга академика и его содержание получило одобрение В. Н. Перетца.

² В. Н. Перетц писал своему учителю А. И. Соболевскому: «Мне профессура нужна не как блестящее украшение, не как своего рода венец для честолюбивого человека, я хочу быть полезным, работать и других привлекать к работе <...> Мне возможно было бы устроиться теперь в Казани или Киеве или Одессе» [СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 38–38 об.]

³ В письме к А. А. Шахматову В. Н. Перетц с горечью замечал: «...сюда, в Университет, меня не пустят Платонов, Форстен и Введенский, маленькая, но “могучая” в своем роде кучка!» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 29 об.]

ленному приват-доценту, читать не то, что считаю нужным, а “заменять” Лободу¹ в общем курсе».²

Первые впечатления, полученные в Киеве после знакомства с новыми коллегами и учениками, не особенно обнадежили В. Н. Перетца. Рассказывая о том, как устроился на новом месте, он писал А. И. Соболевскому 19 сентября 1903 г.: «Встретили меня в Киеве в общем дружелюбно... Но в общем итоге я чувствую себя как в море обширном и просторном, где воды много, но пить нечего»³ и 2 октября: «Я сознаю, что я — лишний! Как ни мал я был в Петербурге, но знал, что там я нужен, там я колесо маленькое, но полезное, здесь же — умри я через день, год, два — никто не охнет. Дело пойдет, как и до меня».⁴ То же разочарование высказывал он и в письмах к А. А. Шахматову: «У нас здесь жизнь течет сонно и уныло... Ужасно грустно, я начинаю жалеть, что приехал сюда, тем более, что я здесь совершенно бесполезен: здешние студенты-южане преленивый народ и русскую литературу признают только с Максима Горького. О языке — не говорю уже. Их отлично ублажал Лобода, и все было бы благополучно. Простите, что жалуясь. Хотелось бы видеть не то, но уж очень плохи, особенно 3-й и 4-й курсы. Впрочем, я “всегда недоволен”, как кто-то из питерских давно уже заметил...».⁵ А. А. Шахматов, желая поддержать В. Н. Перетца, писал ему: «Не печальтесь по поводу отсутствия из Петербурга. Вы забываете, что киевский климат лучше для Вашего здоровья, чем здешний. Кроме того, у Вас теперь досуг для составления цельных систематических курсов. Ученики, наверное, найдутся со временем».⁶

Однако не только В. Н. Перетц был недоволен переездом в Киев. Местная университетская профессура тоже весьма сдержанно реагировала на появление в их среде петербуржца. Украинские коллеги видели в нем петербургского «варяга», «которого ценили, да не как своего», впрочем, и он «ощущал себя “приезжим из столицы”, и не давал другим забывать о более высоком уровне российской столичной филологии» [Росовецкий: 22]. Несовпадение представлений о «научном труде» у киевлян и В. Н. Перетца хорошо иллюстрирует его рассказ о защите магистерской диссертации фольклористом и литературоведом

¹ Лобода Андрей Митрофанович (1871–1931) — фольклорист, этнограф, историк литературы, профессор Университета св. Владимира по кафедре русского языка и литературы.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 29–29 об.

³ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 55.

⁴ Ibid. Л. 59 об.–60.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 32–32 об.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 4.

А. М. Лободой, состоявшейся в мае 1904 г. Владимир Николаевич писал А. И. Соболевскому: «Наконец-то я... свалил бремя... во образи диспута. Увы,.. меня за очень мягкий отзыв чуть ли не революционером и смутьяном аттестуют... Флоринский... после диспута, за ужином у Лободы, как бы в ответ на мое мнение (*что книга — напрасно затраченная энергия, что тема выбрана неудачно и разработана без системы*) превознес сей злосчастный плод здешней “школы” и пожелал, чтобы Лобода и впредь упражнялся именно в том же роде (*я пожелал совершенствования, поменьше неразборчивого эклектизма и побольше своего мнения*)»¹ (здесь и далее подчеркивание В. Н. Перетца; курсив мой. — Е. Г.). Несклонный к компромиссам В. Н. Перетц, даже стараясь смягчать свои оценки, давал научным трудам коллег весьма критические отзывы, что не прибавляло ему популярности. Он же в свою очередь поражался неоправданной мягкости киевлян и сетовал, что «здесь понятие о научности — весьма своеобразное: ценят количество цитат и библиографических справок, что до мнений и новизны их и доказательности — не спрашивают».²

Будучи по натуре борцом, В. Н. Перетц никому не давал спуска, если считал, что столкнулся с несправедливостью или непорядочностью. Когда же видел, что кому-то нужна помощь, сразу протягивал руку поддержки. Так, например, он просил Академию наук (через А. А. Шахматова) поддержать киевского магистранта И. И. Гливенко, готовившего диссертацию об итальянской драме и не имевшего возможности поработать в Венеции и других заграничных архивах. Свое обращение в Петербург В. Н. Перетц объяснял так: «Здесь... усиленно возгоняют местных молодых людей, таща их на кафедру “по льготному тарифу” и при всевозможных облегчениях. Так по западноевропейской литературе один из здешних (на мой взгляд, далеко не умный) получает уже вторую командировку за границу на 2 года от Министерства, первая была на год — от Университета, и все это с 100 руб. в месяц жалования. Нашим же, ученикам Веселовского (Делабарту и Гливенку), таких льгот нет, и хотя последний уже магистрант и приват-доцент, читающий обязательный курс, ему Дашкевич всячески тормозит дорогу, как и Аничкову, читавшему здесь несколько лет тому назад».³

¹ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 99–99 об.

² Ibid. Л. 99 об.

³ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 38–38 об.

Постепенно В. Н. Перетц, многократно наблюдавший у киевлян отказ от объективной научной критики и стремление «порадеть родному человечку», сформулировал киевское университетское credo: «здесь — важнее всего “свой”».¹

Сам Владимир Николаевич «своим» в Университете св. Владимира не стал, хотя с жаром отдавался преподавательской работе, в 1906 г. был назначен ординарным профессором, в течение 8 лет (1905–1913) исполнял обязанности секретаря факультета.

Вместе с тем В. Н. Перетц — невероятно работоспособный и энергичный ученый — не ощущал в провинциальном Киеве пульса научной жизни, так памятного ему с петербургских времен, и очень страдал от этого. Он часто жаловался А. А. Шахматову: «Кисло у нас — невыразимо», «Хоть бы в воду, только бы вон отсюда», «У нас в Киеве сонно и тихо до тошноты. Что послушать в Университете, то уши вянут, такой закоптелый народ!», «У нас в Киеве жизнь течет вяло и медлительно»² и т. п.³ Общее впечатление усугубляла апатия местного студенчества, о котором у В. Н. Перетца сложилось весьма невысокое мнение, и он писал А. И. Соболевскому: «Студенты здесь не блестящи. Представьте себе, что из 30 тем по древней русской литературе и народной словесности, предложенных для практических занятий и курсовых сообщений, — не взята ни одна: все предпочли писать у Лободы по новой литературе. На спецкурсе по истории апокрифа у меня 6–7 человек (всего на отделении 25), хотя сам сознаю, что читаю добросовестно и недурно, готовлюсь хорошо».⁴ Через полгода он с возмущением и горечью жаловался, что на экзаменах студенты «отвечают более чем мерзко: не знают, например, на всеобщей литературе ни одной драмы Шекспира, не слыхали о драмах Шиллера, не знают “Фауста” Гете... На славистике до того обнаглели, что лезут в качестве “специалистов” по польскому языку и не умеют — факт! — не умеют читать по-польски!»⁵

В. Н. Перетц, шокированный таким положением дел, пытался переломить ситуацию, добиваясь от универсантов более вдумчивого и

¹ Ibid. Л. 61.

² Ibid. Л. 34, 36 об., 40 об., 66–66 об.

³ В письмах к А. А. Шахматову В. Н. Перетц в течение десяти лет подробно делился всеми злоключениями киевской жизни и своими переживаниями, признав однажды: «Почему-то в минуты горькой обиды, когда хочется просто плакать в бессилии, почему-то именно хочется Вас посвятить в дело» [ibid.: Л. 35 об.].

⁴ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 60.

⁵ Ibid. Л. 99 об.–100.

ответственного отношения к учебе. Когда на экзамене обнаружилось, что студенты не умеют читать даже по-славянски, возмущенный Владимир Николаевич «пятерых из 22 прогнал, хотя следовало бы прогнать половину» экзаменующихся¹... Но молодой профессор не получил поддержки местных профессоров, напротив, заметил, что декан, «так свирепствовавший в году, теперь размяк и тянет всякую шуштуру <...>, обещая, что к государственным экзаменам — поправятся».² В. Н. Перетц в отчаянии писал А. А. Шахматову, что декан, принимая сторону *своих* студентов, «все объясняет “политикой” и... очень милостиво (к ним) настаивает на разных послаблениях. Я противлюсь и уже Голубев³ разносит слух, что я роняю традиции (хороши же они!) факультета и обижаю бедное юношество».⁴ Такое положение дел весьма огорчало Владимира Николаевича, который был прирожденным педагогом, стремившимся к работе с молодежью, но молодежью отзывчивой и заинтересованной.

Не встретив понимания в Университете, он нашел выход в том, чтобы работать вне его стен: в 1907 г. В. Н. Перетц основал собственный центр научной работы — домашний «Семинарий русской филологии», который в течение многих лет объединял значительное количество молодых исследователей, студентов университета и слушательниц Высших женских курсов, с увлечением занимавшихся изучением древнерусской и украинской литературы. По воспоминаниям участников, собрания проходили на квартире у Владимира Николаевича, на четвертом этаже дома № 74 по Мариинско-Благовещенской улице (ныне ул. Саксаганского), обычно по средам вечером и, начинаясь в 8 часов, нередко затягивались до полуночи. Деятельность этого семинария освещена в литературе [Семинарий 1912; Семинарий 1929; Гудзий 1965, Гудзий 1968: 127–144, Назаревский 1968: 16–24, Назаревский 1974: 33–37, Адрианова-Перетц 1968: 9–15, Адрианова-Перетц 1962: 206–233, Робинсон (Гл. V: В. Н. Перетц и его научная школа), Росовецкий: 3–24, Ёлкина: 68–72 и др.] и здесь мы лишь напомним, что на занятиях молодежь знакомилась с научно-критическими изданиями памятников литературы и языка и овладевала приемами научного исследования. В. Н. Перетц вместе с учениками посещал библиотеки и архивохрани-

¹ Ibid. Л. 102–102 об.

² Ibid. Л. 102 об.

³ Голубев Степан Тимофеевич (1848–1920) — русский церковный историк, профессор Киевской Духовной академии и Университета св. Владимира. Активный член Клуба русских националистов.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 100.

лица, показывал, как следует работать со списками и рукописями, как вести поиск малоизвестных материалов. Каждый член семинария разрабатывал собственную научную тему. Завершенные индивидуальные исследования рецензировались двумя-тремя оппонентами и зачитывались перед участниками заседаний, удачные доклады «продвигались» В. Н. Перетцем в научную периодику. Многие из участников семинария были при его поддержке оставлены для подготовки к профессорскому званию в Киевском или в Санкт-Петербургском университетах, получали стипендии и пособия. Успехи молодежи радовали Владимира Николаевича и давали ему мощный стимул для продолжения работы. Он писал А. А. Шахматову: «И если бы не надежда, что авось выйдет кто-нибудь путный из моих слушателей — тогда право лучше служить в акцизе».¹ А в 1911 г. удовлетворенно признавал: «Могу сказать, что за мое время — за 8 лет — Киеву повезло: столько людей, интересующихся древней литературой! В Петербурге я с 1890-х годов знавал таких трех-четырех, не более, и то из “стариков”».²

Однако радость профессора омрачалась мыслями о будущем его «птенцов»: «в Киеве тесно, душно. Что я могу им здесь дать? Нужен Петербург, Москва. Нужно для моей молодежи общение с миром для создания научного мировоззрения. Масса тем и вопросов блекнут и увядают, и мы, сидя в нашей скорлупе, не можем “активно содействовать” их разрешению. Да и мне проповедовать в этой коробке — труд мало благодарный».³ В. Н. Перетц всеми силами способствовал устройству талантливых участников семинария: ходатайствовал о переводе в столичный университет, помогал находить преподавательскую работу, рецензировал и рекомендовал их статьи и диссертации к публикации в солидных научных изданиях. Он объяснял: «Как может быть ни провинциален мой взгляд, но я чувствую себя глубоко обязанным не покидать моих детей на произвол судьбы... исполнить долг перед молодежью, которую я так или иначе вовлек в известное “предприятие”».⁴

¹ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 36 об.

² Ibid. Л. 129.

³ Ibid. Л. 135–135 об.

⁴ Ibid. Л. 198 об.–199. — Итоги работы киевского «Семинария русской филологии» очень высоко оцениваются историками науки: благодаря его деятельности была сформирована солидная научная школа. Из семинария вышли такие известные научные деятели как академики АН УССР Е. К. Тимченко и Н. К. Гудзий, член-корреспондент АН СССР и АН УССР В. П. Адрианова-Перетц, члены-корреспонденты АН УССР С. И. Маслов и Б. А. Ларин, филологи Л. Т. Белецкий, А. К. Дорошкевич, В. И. Маслов, А. А. Назаревский, Б. В. Нейман, М. О. Скрипиль, С. А. Щеглова, музыковед С. А. Бугославский, фольклорист Д. Н. Ревуцкий, этнографы Е. А. Рыхлик, С. В. Савченко и др.

За годы своей работы филологический семинарий, несмотря на свой сугубо научный характер, неоднократно наталкивался на противодействие «и со стороны университетской администрации, не признававшей тогда за украинской наукой прав на существование, и со стороны шовинистических украинских элементов».¹ В 1908 г., вскоре после организации кружка, В. Н. Перетц писал: «На меня черносотенцы подняли гонение: запрещают занятия в моем филологическом семинарии, ибо таковые до сих пор происходили дважды в неделю на дому по вечерам. Плетут будто это — “политика”»,² «Флоринский»³ поднял на меня гонение за *privatissima*⁴ на дому, которые, якобы, воспрещены уставом (что есть вздор). Но за Флоринским попечитель и т. п. сонм негодаев-союзников киевского типа, готовых съесть человека не их лагеря».⁵ И одновременно «от попечителя в Министерство, а затем оттуда обратно идет на меня кляузный донос, будто у меня на практических занятиях в Университете читаются доклады на украинском языке».⁶ А это в глазах правых русофилов было очень серьезное обвинение, ибо, как утверждал Т. Д. Флоринский, «культурный сепаратизм гораздо опаснее политического».⁷

Когда В. Н. Перетц в 1903 г. появился в Киевском университете, Т. Д. Флоринский был деканом историко-филологического факультета. По словам Владимира Николаевича, он «безраздельно царил» в факультете, «изредка встречая сопротивление со стороны “немцев”»: Лещиуса, Кнауэра и Сонни⁸»,⁹ был «пренесносен», изображая «какого-то директора гимназии, мня, что мы все — рабы его».¹⁰

¹ СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-П. Ед. хр. 39. Л. 35 об.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 79 об.

³ Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) — славист, профессор Киевского университета, правый политик. Стоял на позициях имперского панславизма, всемерно боролся с «украинским сепаратизмом», с 1908 г. один из почетных членов и руководителей «Киевского клуба русских националистов», с 1909 г. — председатель Киевского временного комитета по делам печати и цензор по иностранной цензуре.

⁴ *privatissima* (*лат.*) — частные занятия с университетскими профессорами или специальные занятия профессоров с небольшой группой студентов.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 77–77 об.

⁶ *Ibid.* Л. 95.

⁷ *Ibid.* Л. 103.

⁸ Киевские профессора немецкого происхождения: филологи-классики Адольф Израилевич Сони (1861–1922), Иосиф Андреевич Лещиус (1860–?) и лингвист-санскритолог Федор (Фридрих) Иванович Кнауэр (1849–1917).

⁹ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 60 об.

¹⁰ *Ibid.* Л. 62 об.

Вскоре по прибытии В. Н. Перетц заверил Т. Д. Флоринского, что не склонен к украинофильству,¹ и, тем не менее, оказался под пристальным вниманием российских «патриотов», так как продолжал изучение украинского языка и литературы и явно поддерживал сторонников возвращения всех прав официально запрещенной украинской мове²: в 1905 г. вместе с другими учеными подписал адресованную в Кабинет министров России официальную записку Российской Академии наук «Об отмене стеснений малорусского слова» в поддержку прав на свободное развитие украинского языка и литературы, свободы печати; в 1906 г. «обосновал в печати... проект учреждения в университетах “украинских кафедр” — для преподавания украинской литературы, языка, истории, этнографии и обычного права» [Адрианова-Перетц 1962: 222]; начиная с 1905 г. неоднократно публиковал свои статьи в изданиях Львовского Научного общества им. Шевченко, печатавшихся на украинском языке.³ Когда после провозглашения демократических свобод, в Киеве в 1907 г. было основано Украинское научное общество, преследовавшее задачу организации научной работы на Украине и популяризации родного языка, В. Н. Перетц стал его активным участником: возглавлял филологическую секцию и был одним из редакторов печатного органа общества — «Записок», публиковавших оригинальные работы, обзоры и исследования украинских ученых по всем отраслям науки. Такое его поведение сторонники «единой России» расценивали как предательство и В. Н. Перетц был ими отнесен к неблагонадежным «мазепинцам» — украинским сепаратистам.

Надо сказать, что годы, проведенные Владимиром Николаевичем на Украине, были наполнены драматическими политическими событиями: волнения и беспорядки 1905–1907 гг., активизация политической жизни и многоголосная партийная агитация, бурные выдвижения представителей в Государственную Думу, убийство Сто-

¹ В. Н. Перетц писал А. И. Соболевскому: «С Т. Д. я объяснился сразу по прибытии и заверил его, что, несмотря на свои симпатии к юго-западной литературе, никогда не стану украинофилом, и кажется, он успокоился» [ibid.: Л. 56].

² В Российской империи украинский язык назывался «малороссийское наречие русского языка». Указом 1876 г. Александр II запретил всякое издание литературных и научных произведений, обучение, а также спектакли и концерты на малорусском языке, снят этот запрет был лишь после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. Но спор о том, является украинский язык самобытным языком или одним из наречий русского языка, еще долго не утихал. В годы политической нестабильности и борьбы за право Украины на национальную самостоятельность эта лингвистическая полемика приобрела и политическую окраску.

³ Поскольку на территории Западной Украины, входившей в состав Австро-Венгрии, национальные языки не были запрещены, то Галиция и ее столица Львов стали центром легального украинофильства.

лыпина и «дело Бейлиса»,¹ непрекращающиеся еврейские погромы, украинофобия черносотенцев, ужесточение цензуры...

Ученый политикой не увлекался, однако и не закрывал глаза на происходившее вокруг. О еврейских погромах, прошедших в Киеве после оглашения Манифеста 17 октября 1905 года, В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову: «Мы переживаем нечто такое, чего не знал Киев, несмотря на живущую еще память о погроме 1881 г. Сердце сжимается и руки немеют, описывая ужасы последних двух дней и ночей <...> Начались <...> погромы еврейских магазинов и избиение евреев организованными бандами с толстыми палками и револьверами. Полиция — исчезла. Солдаты являлись тогда, когда уже грабеж был закончен. Казаки и солдаты не только бездействовали, но даже сами предавались грабежу <...> Ночью с 18-го грабили и по улицам. Сожгли несколько домов и лавок на Подоле. Утром разгромили галицкий базар <...> Я поехал (19-го, 12 дня) в Университет. Никто, даже ректор не пожелал сопутствовать мне, и я один отправился к генерал-губернатору (временному), г. Карассу, оставил ему записку обо всем виденном и затем к командиру корпуса (какого — не помню), начальнику охраны г. Киева с представлением о необходимости энергичной охраны населения от подонков, облакающих в ризы “патриотизма”: они грабят с портретом Николая II и под пение “Спаси, Господи, люди твоя!” <...> Грабеж продолжается <...> только до утомления и пресыщения “грабителей-патриотов”. Говорят, Карасс на заявление подавить силой разнузданность босяков ответил, что в отместку за уничтожение революционерами портретов царя в Думе он отдал город на 3 дня на разграбление <...> Стыдно быть русским и жить в такой стране, где возможно все это!...»²

В. Н. Перетца возмущало ликование правых националистов, приветствовавших погромы, которые они называли «актом народного протеста против революционной еврейской пропаганды», и призывавших к кровавой расправе с «жидами» и забастовщиками. Ученый сравнивал Киев с «петербургским полицейским участком в увеличенном виде»³ и с тревогой следил за укреплением позиций черносотен-

¹ «Дело Бейлиса» — судебный процесс по обвинению киевского еврея М. Бейлиса в ритуальном убийстве 12-летнего мальчика длился 2 года (июль 1911 — октябрь 1913 г.) и имел широкий общественный резонанс: антисемитская кампания, развернутая киевскими черносотенцами встретила протест в международном масштабе.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 264 об.—265 об.

³ Ibid. Л. 53 об.

цев: «Дела у нас в Киеве не блестящи пока — “истинно русские люди” подняли головы»,¹ «Черносотенцы в Киеве страшно усилились».²

С первых месяцев пребывания в Киеве Владимир Николаевич замечал нарушения и университетской демократии, которые совершались с «благословения» и при участии администрации, придерживавшейся правых политических взглядов.³ Университетское начальство пыталось сохранять порядок в своих стенах старым испытанным способом: избавляясь от «неблагонадежных элементов» путем репрессий и чисток в студенческой среде и даже среди профессоров. В. Н. Перетц, известный своими «украинскими симпатиями», неоднократно подвергался нападкам правой прессы. В начале 1911 г. газеты «Новое время» и «Киевлянин», намекая на его активную преподавательскую и административную деятельность в Университете,⁴ писали, что «мазепинцы» завладели филологическим факультетом, а в одном из номеров «Киевлянина» даже было изображение того, как «киевские мазепинцы» готовят «вооруженное восстание».⁵

Убийство П. А. Столыпина потрясло всю страну, а киевляне не сомневались в том, что после похорон премьер-министра город накроет волна насилия: «Несмотря на строгое объявление генерала Трепова⁶, еврейское население в панике — бежит, куда глаза глядят. Полиция “успокоительно” обещает, что “до похорон Столыпина” ничего не будет. А потом несчастным тысячам придется отвечать за поступок безумца. Ждем погрома 8-го. Говорят, грабежей не будет, будут убивать. Об этом говорят открыто лавочники, базарная толпа...».⁷ Черносотенная антисе-

¹ Ibid. Л. 62.

² Ibid. Л. 72.

³ В мае 1904 г. В. Н. Перетц писал А. И. Соболевскому, что администрация Университета оказывает давление на студенческий суд, «то предавая студенческому суду, то отбирая назад дело», дискредитирует это учреждение. «Предаст суду за глупости, а действительно виновных в нарушении порядков и правил Университета — не предаст: так например студент побил ординатора — суду не предан; угрожал во время сходки револьвером — тоже; мошенничают, сдавая экзамены за других, — тот же результат. Интересно, что за “стрелка” вступилась администрация, ибо сей юноша — “националист” — и он спасен. Что же равенство студентов перед Уставом и правилами? Почему одни — козлища, другие — овцы, которым все позволено? Увы, здесь тоже политика, только с “другого конца”» [СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Ед. хр. 337. Л. 104 об.–105].

⁴ Поскольку декан часто и подолгу отсутствовал, В. Н. Перетц как секретарь историко-филологического факультета фактически руководил факультетом. Вокруг Владимира Николаевича объединялись прогрессивно настроенные преподаватели, составлявшие оппозицию «славянобесию» Флоринского и Голубева.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 115.

⁶ Имеется в виду киевский генерал-губернатор Федор Федорович Трепов (1854–1938).

⁷ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 120–120 об.

митская кампания, бушевавшая в Киеве с весны 1911 г. в связи с печально известным «делом Бейлиса», получила новый импульс.

В этой атмосфере В. Н. Перетц всерьез опасался, что его недруги постараются от него избавиться: они «могут выбросить меня за борт, тем более, что вообще моя репутация, вне научной деятельности, — далеко не “правая” <...> Сильно опасаясь, что под давлением крикунов-черносотенцев Кассо может, если не уволить, то предложить перевод, например, в Казань <...> Флоринский и К^о не постоят за гадостями и инсинуациями, лишь бы выгнать меня из Университета, как они сделали это со мной на Курсах¹ <...> Пока жду, когда разразится “Киевлянин” руганью. Если б я был не я, а сам Соломон Премудрый, — они не постеснялись бы обляять “мазепинца” и “жида”, “шабесгоя” и т. д.»²

Владимир Николаевич говорил о себе: «Я никогда не был дипломатом; если кого считал правым и достойным — стоял за него, если нет — боролся с ним».³ И действительно, он обычно высказывал свое мнение открыто, часто даже слишком резко, увеличивая тем самым число своих недругов, но не опускался до своих противников, занимавшихся сплетнями и интригами, которых считал «людьми, потерявшими представление о порядочности».⁴ Ученый искренне огорчался, когда замечал, что «шкурные интересы и запуганность ломают даже хороших людей в нашем проклятом гнезде. Когда в Совете (университета. — *Е. Г.*) хотят мои друзья провести какое-нибудь дело, они просят меня ничего не говорить в пользу его: так власть имущая шайка не выносит меня... Слишком далеко мы разошлись по принципиальным основаниям. А с дикарями такое расхождение небезопасно: не с нами — значит против нас».⁵ Он замечал, что самые осторожные уже предпочитают отойти в сторону и на всякий случай укрыться «от морозного ветра, дующего из попечительской канцелярии...» Подобное поведение коллег и товарищей вызывало горькую обиду: «И главное — никакой поддержки, никакого акта со стороны немногочисленных друзей, который бы показал этим грязным Савенкам и Пихнам с Флоринскими и Кулаковскими, что не все так думают, как они».⁶

¹ 5 февраля 1910 г. В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову: «меня в среду 3-го Совет Высших женских курсов вторично забаллотировал в ответ на почти единогласное (13 против 1-го) избрание факультетом ВЖК» [СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 95].

² Ibid. Л. 142 об.—143 об.

³ Ibid. Л. 134.

⁴ Ibid. Л. 36 об.

⁵ Ibid. Л. 186 об.—187.

⁶ Ibid. Л. 95 об.

В душевной «киевской берлоге» профессор находил утешение в совместной работе с молодежью — членами его семинария: «мой семинарий растет, уже человек 10–12 имеют скромное, но приличное имя. За ними идут новые».¹ За пять лет были достигнуты определенные результаты, и участники кружка строили дальнейшие планы, когда «университетская полиция» попыталась его закрыть. «Флоринский науськал ректора на меня, ректор уже написал декану запрос, на каком основании у меня занимают “посторонние лица” (слушательницы ВЖК. — Е. Г.) и почему так много печатают по-украински, — писал В. Н. Перетц в апреле 1912 г. — В столице такой запрос вызовет улыбку у коллег, — но у “начальства” — жест, сопровождаемый развалом моего дела, что есть самое дорогое для меня».² После формального ответа³ дело как будто затихло, и осенью того же года Владимир Николаевич осторожно сообщал: «Действия моей семинарии начал; пока репрессий никаких, хотя в Университете “пахнет тлением”».⁴

Опасаясь, что как «неблагонадежного» его «для пользы службы» могут перевести подальше от Киева — в Казань, В. Н. Перетц хотел «покинуть Киев заблаговременно». Он неоднократно предпринимал попытки вырваться в столицу: в 1908 г., когда узнал, что А. И. Соболевский оставляет Петербургский университет⁵, и в 1911 г., когда заведовавший кафедрой русской словесности И. А. Шляпкин решил выйти за штат. Владимир Николаевич обращался к А. А. Шахматову, спрашивая «...как поступить намерен петербургский филологический факультет по уходе за штат Шляпкина? Это не за горами. Я слышал — в январе. Стыдно нищенствовать, но я прошу Вас, если это не против совести, поддержать меня — и если не будет конкурса — взять на себя тяжелую задачу рекомендовать меня».⁶ А. А. Шахматов, обещая свое содействие, писал: «Очень желал бы Вашего перехода сюда».⁷ Однако приглашения в столицу так и не поступило. Владимир Николаевич тяжело переживал нежелание петер-

¹ Ibid. Л. 135–135 об.

² Ibid. Л. 142.

³ «Я отписываюсь, что это — мой домашний семинарий, что для собрания гостей нет надобности в разрешении» [ibid.: Л. 145 об.].

⁴ Ibid. Л. 152 об.

⁵ Выясняя, есть ли шансы занять на кафедре освободившееся место, он не без обиды замечал: «К сожалению, Алексей Иванович не нашел почему-то удобным говорить обо мне. А между тем я в Киеве исполняю те же обязанности и думаю — не дурно, <...> это мне дает основание думать, что я не посрамил бы ни себя, ни свою almae matris, попавши в Питер...» [ibid.: Л. 80 об.–81].

⁶ Ibid. Л. 133 об.

⁷ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 5.

буржцев видеть его на факультете, с обидой говорил: «Я сделал, видимо, ложный шаг, вообразив, что <...> имею <...> некоторое преимущество...» и сам отказывался от конкурса, «раз я настолько ничтожная величина в разработке истории русской литературы».¹

Когда А. А. Шахматов заговорил с ним о перспективе стать членом Академии наук, Владимир Николаевич вначале даже не принял этот разговор всерьез: «О Петербурге думать не буду, помятуя, что “несть пророк без чести, токмо в отечестве своем”. Моя игра тут сыграна...»² Однако в марте 1913 г. он получил сообщение о том, что половина членов ОРЯС поддерживает его кандидатуру. Зная, насколько тяжелой для В. Н. Перетца стали жизнь и работа на Украине, А. А. Шахматов сделал приписку: «Быть может, мне не следовало бы посылать Вам это письмо. Но делаю это для того, чтобы Вы видели просвет: возможность вырваться из Киева, попасть в Петербург».³

Приняв официальное предложение баллотироваться на свободную вакансию ординарного академика по II Отделению, Владимир Николаевич просил о результатах выборов в Общем собрании Академии сообщить закрытым письмом, без огласки: «Может быть, это все до нелепости конспиративно и кажется излишним; но даже в случае благополучного исхода в Отделении я не хотел бы, чтобы даже слух проник в Киев: могут поднять агитацию черносотенцы и повредить. Да и вообще — об успехе и неуспехе я предпочел бы в Киеве умолчать: с одной стороны — пища злорадству, с другой — шипение гусей».⁴

Но сохранить секретность не удалось: в газетах появилось сообщение о выборах кандидатами в академики киевлян В. С. Иконникова и В. Н. Перетца. Это усилило опасения, что недруги ученого-«мазепинца» постараются повлиять на решение Общего собрания Академии. «У Киевских воротил кислые лица, — сообщал Владимир Николаевич в Петербург. — Ардашев, Довнар и Голубев уехали в Петербург и постараются, конечно, при удобном случае, а может быть и нарочито, повредить мне в Общем собрании инсинуациями политического свойства, изображая меня “опасным” украинофилом “ре-

¹ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 134 об. Очень нехарактерны для В. Н. Перетца слова, написанные тогда в минуты отчаяния: «помимо моих недостатков как ученого работника и человека — кому теперь, в эпоху торжества “belles letters” в науке — нужен старый малороссийский хлам! Кому нужен и тот гробокопатель, который вытаскивает его и проветривает пред лицом публики, мозоля ей глаза!...» [Ibid.: Л. 134 об].

² Ibid. Л. 134 об.

³ РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 10 об.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 201 об.–202.

волюционером”: ведь у нас к.-д. уже революционер!».¹ В столице тоже имели место попытки очернить ученого: «Я узнал, что в Петербурге разные грязные личности, не брезгающие даже анонимными письмами, воспользовались случаем, чтобы обругать меня... П. В. Никитину, который ко мне относится благожелательно, было прислано анонимное ругательное письмо за то, что он, “кадет Никитин” помог пройти в Академию “жиду-предателю” (т. е. мне), за что потомство “вобьет осиновый кол” в его (Никитина) гроб»². В Киеве В. Н. Перетц уже ощущал перемены в отношении к нему руководства Университета и понимал, что в случае, если его избрание в Академию не пройдет, то в Киеве его «добьют “своими средствами”».³

Осень и зима 1913/1914 гг. на Украине были отмечены усилением пропаганды националистов. «У нас в Киеве начались туманные дни — да и вообще туман. Дело Бейлиса⁴ его не развеяло. Черносотенцы озлоблены. Зверем смотрят»,⁵ — писал В. Н. Перетц. «Серьезные газеты штрафуются и конфискуются по распоряжению Флоринского»,⁶ а погромные листки наводняют город. В Совете университета нападкам «славянофилов» подвергся приват-доцент Клиnger,⁷ специалист по греческому языку, «имеющий несчастье быть при немецкой фамилии католиком». Его пытались забаллотировать, ссылаясь на давно отмененный циркуляр о запрещении принимать на службу поляков, «угрожали гибелью русской культуры в Юго-Западном крае оттого, что греческий язык *будет* преподаваться “поляком” (он между прочим — 3 года уже преподает в Университете и 4 — на ВЖК, где он профессор!)».⁸

Чтобы не привлекать к себе внимание озлобленной черносотенной прессы В. Н. Перетц сделался почти затворником: «Сегодня в общественном собрании вечер с Милюковым; но даже М. С. Грушевский⁹, и тот не советовал мне идти туда, а в Шевченковских торжествах, если они даже и будут, я не приму участия. Это-то

¹ Ibid. Л. 210–210 об.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1141. Л. 15–15 об.

³ Ibid. Л. 18 об.

⁴ В сентябре–октябре 1913 г. состоялся суд, оправдавший М. Бейлиса.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 191.

⁶ Ibid. Л. 192 об.

⁷ Клиnger Витольд Павлович (1875–1962) — эллинист, приват-доцент Университета св. Владимира.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 185 об.

⁹ Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — российский и украинский историк, общественный и политический деятель, профессор Львовского университета, один из лидеров украинского национального движения.

меня и угнетает — сидение под колпаком в то время, когда другие свободно, хотя и с риском, осмеливаются обнаруживать свои симпатии и антипатии, что и я делал до сего времени, но претерплю, постараюсь, чтобы ни слова обо мне не проскочило в газеты»¹.

Выборы в Академию наук прошли благополучно и перед В. Н. Перетцем встали новые задачи: готовиться к переезду в столицу и завершить свои дела в Киеве. Особенно профессор переживал о будущем «птенцов» своего семинария, остававшихся без руководителя. Они были «очень удручены известием о возможности моего ухода из Киева, особенно самая зеленая молодежь, потому что старшие сдадут весною магистерские экзамены и поплывут по течению, а вот Багрий, Бугославский, Гудзий, Белецкий и Отроковский — останутся без моей помощи»,² — сетовал Владимир Николаевич и просил Отделение разрешить ему задержаться в Киеве, «дабы хоть кто-нибудь из учеников мог при мне закончить магистерские экзамены».³

Он выполнил все моральные обязательства перед своими кружковцами: у старших принял экзамены, оставил некоторых из них приват-доцентами при университете или ВЖК, младших, еще только окончивших курс университета, рекомендовал к оставлению в магистратуре. И в последующие годы академик В. Н. Перетц не забывал своих «птенцов», всемерно помогая им в научной работе уже из Петербурга, ибо в 1914 году киевский период его жизни завершился.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Начало пути. В киевском семинаре В. Н. Перетца // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 9–15.

Адрианова-Перетц В. П. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.–Л., 1962. С. 206–233.

Гудзий Н. Памяти учителя // Русская литература. 1965. № 4.

Гудзий Н. Автобиография // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 127–144.

Ёлкина Л. В. Отчёты В. Перетца о научных экскурсиях в Санкт-Петербург членов филологического семинария // Научный вестник Николаевского государственного университета имени В. А. Сухомлинского: Сбор-

¹ СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1141. Л. 17–17 об.

² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Ед. хр. 1140. Л. 214 об.

³ Ibid. Л. 204.

ник научных трудов / Под ред. В. Б. Будака, М. И. Майстренко. Вып. 4.11(90) (Сер. «Филологические науки»). Николаев, 2013. С. 68–72; и др.

Назаревский А. А. Из далекого и недавнего прошлого // Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 16–24.

Назаревский А. А. Из воспоминаний о молодых годах В. П. Адриановой-Перетц // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 33–37.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004 (Гл. V: В. Н. Перетц и его научная школа).

Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для студентов, преподавателей и для самообразования / Предисл. С. К. Росовецкого, А. Н. Дмитриева. М., 2010.

Семинарий русской филологии при Императорском Университете св. Владимира под руководством проф. В. Н. Перетца. 1-е пятилетие. 1907–1912. Киев, 1912.

Семинарий русской филологии академика В. Н. Перетца. 1907–1927. Участники Семинария — своему руководителю. Л., 1929.